

О. Ю. Гончарко*

**ДИОТИМА МАНТИНЕЙСКАЯ:
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СУЩЕСТВОВАНИИ
И ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ****

Статья посвящена сравнению аргументов как против, так и за возможное историческое существование Диотимы Мантинейской, философа-досократика, жрицы Элефсинских мистерий, а также наставницы Сократа в вопросах эроса. В работе предполагается дополнить ныне ставшие классическими в платоноведческой литературе аргументы (аргумент от «умышленной феминизации» философии у Платона; аргумент от иронии Сократа; аргумент от художественности «Пира»; аргумент от молчания) и возражения (аргумент от историчности Сократа; аргументот Фукидида; модальный аргумент) за и против ее исторического существования некоторыми нашими аргументами и возражениями из текстологической, исторической и литературоведческой перспектив.

Ключевые слова: Диотима Мантинейская, Платон, «Пир».

O. Yu. Goncharko
DIOTIMA OF MANTINEIA:
TOWARDS THE QUESTION OF HISTORICAL EXISTENCE
AND PHILOSOPHICAL HERITAGE

The main purpose of the paper is to compare the sets of arguments *pro et contra* the possible historical existence of Diotima of Mantinea. It is also planned to supplement the arguments that have now become classic in literature (the argument from the feminization of philosophy by Plato; the argument from the irony of Socrates; the argument from silence, etc.) and objections (the argument from the historicity of Socrates; the argument from Thucydides; the modal argument) *pro et contra* her historical existence with some arguments and objections from a textological, historical and Literature Studies perspectives.

Keywords: Diotima of Mantinea, Plato, *Symposium*.

* Гончарко Оксана Юрьевна, канд. филос. наук, научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия; goncharko_oksana@mail.ru

** Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00885-А «Гендерная ревизия истории философии».

Диотима Мантинейская была жрицей Элефсинских мистерий, посвятившей Сократа «в мистерию эроса» (у Дебры Нейлз она так и обозначена как «наставница Сократа в вопросах эроса» [7]).

В диалогах Платона она является одной из всего лишь двух женщин, упомянутых автором именно как философ, при этом она также одна из двух женщин (помимо Аспазии), которым Платон дает слово, хоть и в сократовском пересказе. Но если Аспазия активно участвовала в публичной интеллектуальной жизни Афин, внесла существенный вклад в развитие софистики и публичной риторики и при этом упоминается и у Ксенофонта, и у Эсхина Сократика, и у Антисфена, то с историчностью Диотимы дела обстоят намного сложнее: в литературе есть как минимум четыре аргумента против ее реального существования. Перечислим их последовательно, совместно с возражениями к ним (а в некоторых случаях и с возражениями к возражениям):

1. Аргумент от «умышленной феминизации философии у Платона».

Сторонники этого аргумента считают, что для Платона не типично делать женщину одним из ключевых спикеров в диалоге. Два исключения: Диотима в «Пире» и Аспазия в «Менексене» — лишь подтверждают это правило: женщины почти никогда не называются Платоном в его диалогах философами и прямое слово им не дается.

Возражение: если Платон действительно пытается вырисовать образ женщины-философа как выражения специфически женского способа философствовать, то почему тогда Диотима выглядит довольно «маскулинизировано» (доминирует над Сократом, превосходит его опытом, возрастом, мудростью и прочими достоинствами Учителя, предпочитает рождение идей рождению детей, не акцентирует способы выражения чисто женского эроса) [10]?

Возражение на возражение: практически все описанные в [10] стратегии маскулинизации взяты из современных представлений о маскулинности (и феминности), однако могут не совпадать с античными представлениями о гендере.

2. Аргумент от иронии Сократа.

Сократ иронизирует, вкладывая в уста женщины учение, которое принадлежит ему самому. Таким образом, если даже Диотима не является фикцией Платона, то она скорее всего — выдумка Сократа.

Возражение: ни композиция диалога, ни само изложение Сократом идей Диотимы, ни реакция слушающих не свидетельствуют об ироническом восприятии Платоном учения об эресе Диотимы.

Возражение на возражение: Сократ (Платон) вполне мог вкладывать в уста женщины учение, которое принадлежит не ему самому, а как раз тому, с кем он спорит, или от которого по тем или иным причинам хочет дистанцироваться. Иначе говоря, подобная постановка вопроса ничего не говорит нам об авторстве рассматриваемого учения.

3. Аргумент от художественности «Пира».

Диалог «Пир» должен быть рассмотрен как художественное произведение, не имеющее никакого отношения к реальности. И как любой талантливый новеллист, Платон создает свой сериал о Сократе через исторически упорядоченную последовательность диалогов, в которых можно условно разделить эволюцию

взглядов самого Сократа в соответствии с додиотимовской, диотимовской и постдиотимовской ее стадиями. И в этом вопросе многие исследователи почему-то признают, что Сократ исторически действительно был посвящен в элевсинские мистерии, но почему-то отрицают то, что именно Диотима его посвятила, настаивая, что эротическая философия Диотимы — это не следствие его посвящения в мистерии, а собственное религиозное переживание Сократа или его личное откровение [10].

Возражение: однако если все речи об Эроте в «Пире» вымышлены, но коррелируют с расхождениями в то время представлениями об эроте, то также вполне вероятно, что и речь Диотимы имела место и разделялась конкретными людьми, исторически существовавшими [10].

Возражение на тезис: об историчности Сократа свидетельствуют как минимум два современника — Платон и Ксенофонт, в то время как Диотима — исключительно героиня Платона.

Возражение на возражение: философское сочинение не обязано отражать реалии эпохи, тем более широко распространенные представления (об эроте). С тем же успехом можно утверждать, что Платон создает эротический дискурс, а не рецепирует его из повседневности.

4. Аргумент от тишины.

Поскольку больше нет ни у кого независимых от Платона упоминаний Диотимы, то и самой личности не было.

Возражение: с помощью такого аргумента можно доказать только проблематичность исторического бытия, но вовсе не необходимость ее небытия.

Однако в платоноведческой литературе существуют и совершенно самостоятельные и независимые от перечисленных выше аргументы в пользу исторического существования Диотимы. У Мери Элен Вейт, исследовательницы античной философии в свете современных гендерных подходов, перечислены как минимум четыре аргумента в пользу историчности Диотимы [10]. Перечислим их тоже последовательно, снабдив некоторыми возражениями.

1. Свидетельства самого Платона.

Если рассматривать платоновские тексты как тексты об историческом Сократе, то Сократ там описан как человек, внимательно относящийся к откровениям оракула и часто обращавшийся к жрицам, в частности дельфийским (напр. в «Апологии Сократа», в «Меноне»). Поэтому он вполне мог общаться и со жрицами из Мантиней.

Возражение: 1) историчность Сократа сама по себе является проблемой для историков; 2) даже если Сократ — реально существовавшее лицо и действительно общался с некими жрицами, это еще ничего не говорит нам об историчности Диотимы. С тем же успехом можно предположить, что Платон, зная о том, что Сократ общался со жрицами, создал в своем произведении такого женского персонажа, который может показаться реальным.

2. Археологическое свидетельство.

В Национальном музее Неаполя хранится бронзовый оклад деревянной обложки контейнера от одного из древнейших папирусных свитков диалога «Пир», на котором изображены мужчина, женщина и Эрот. Причем Эрот изображен довольно схематично, а мужчина и женщина — довольно реалистично,

и мужчина напоминает другие изображения Сократа, тогда как женщина может быть предположительно самой Диотимой.

Возражение: позднеантичная иллюстрация к античному сочинению ничего не может сказать нам не только об историчности или неисторичности Диотимы и Сократа, но даже о том, как они могли бы выглядеть на самом деле. Эта иллюстрация — отражение представлений художника эпохи, которая отстояла на века от платоновской, о прочитанном произведении известного автора, жившего много раньше.

3. Наличие древних упоминаний Диотимы у других авторов, у которых при этом не содержатся какие-либо основания ставить под сомнение ее историчность: у Лукиана, Аристиды, Клемента Александрийского, Фемистия и др. У Прокла есть три отсылки к Диотиме без какой-либо иронии по поводу ее историчности. На протяжении почти 19 столетий нет ни одного источника, который бы упомянул Диотиму независимо от платоновского «Пира», но нет и ни одного источника, который бы поставил под сомнение ее историчность вплоть до XV в., когда Марсилио Фичино в *Oratio Septima II* высказал ремарку о том, что быть женщиной-философом абсурдно [3], которая повлияла на следующие 5 веков.

Возражение: ни одно из этих упоминаний не принадлежит современнику Платона, Сократа или Диотимы. Иначе говоря, все эти упоминания могут говорить лишь о том, как позднейшие авторы относились к сочинению Платона и — соответственно — как они воспринимали Диотиму, но не о ее историчности.

4. Современные мнения.

Альфред Эдвард Тейлор не согласен с выводами о несуществовании реальной Диотимы, поскольку для Платона было в целом не свойственно вводить абсолютно фиктивных персонажей, называя их при этом вполне реальными именами и указывая на их реальные места происхождения (в данном случае — Мантинею) [9].

Вальтер Кранц в двух работах [4; 5] высказывается за существование Диотимы. Коротко его аргументы могут быть выражены так: 1) имя Диотима в мужском и женском вариантах было популярным в те времена и вполне могло именовать настоящую личность; 2) согласно Платону, Диотима была жрицей на Пелопоннесе, а пелопонесские жрицы были приглашены в Афины за десять лет до начала пелопонесской войны. Фукидид подтверждает, что жрицы приезжали и пророчили беды и несчастья, которые принесет эта война. В таких обстоятельствах могли бы быть приглашены и жрицы из Мантинеи, поэтому Диотима вполне могла быть в Афинах в тот период, когда Сократу было около 20–25 лет.

Возражение: к сожалению, даже гипотетическое существование Диотимы никак не опровергает того, что Платон мог вложить в ее уста то, что считал необходимым. Также как и наличие распространенного имени не может быть свидетельством в пользу или против историчности персонажа. Также следует отметить, что гипотетическая встреча платоновского персонажа с некоторыми жрицами не может подтвердить существование конкретной Диотимы из Мантинеи, говорившей конкретные вещи.

Все эти аргументы и возражения, высказанные скорее из исторической перспективы, конечно, не доказывают историчность Диотимы, но и не опро-

вергают ее, что помогает показать, что бремя доказательства ее неисторичности должно лежать скорее на тех, кто эту историчность отрицает, а бремя доказательства ее историчности — на тех, кто ее утверждает, но не на тех, кто лишь предполагает ее как вполне вероятную. Это нас напрямую отсылает уже в современности к вопросу о статусе женщины в философии, ее влиянию, явному или неявному, сохранившемуся в веках или присвоенному другими людьми.

Теперь попробуем оценить содержание философского учения Диотимы из текстологической и литературоведческой перспектив, т. е. из самого текста и логики его идей как отдельных от идей Платона в целом, а именно в отрыве от платонизированной версии учения Диотимы, как совершенно самостоятельное по содержанию учение, никак не связанное с философией Платона. Подобные «текстологические» аргументы можно выстраивать исходя из идеи мыслительного эксперимента, в рамках которого предлагается противопоставить учение Платона об эросе из других диалогов — учению, изложенному в речи Диотимы в «Пире» как относительно независимому и даже противостоящему идеям Платона из других диалогов. Это очень интересный и трудный мыслительный эксперимент, т. к. речь Диотимы из диалога «Пир» является сердцевинной платоновской философии, и тем не менее попробуем вслед за Мери Элен Вейт, современной исследовательницей истории женщин-философов, взглянуть на этот фрагмент «платоновского» текста как на идущий вразрез с его философией, представленной в других его диалогах. Ведь если посмотреть на содержание философии Диотимы как на самостоятельную философию, то можно увидеть, что оно довольно сильно отличается от содержания остальной платоновской философии как минимум по 4 вопросам: платоновской эрос (из других диалогов) и диотимовский эрос в «Пире» различны концептуально, как различны и их учения о бессмертии души, представления о Блага и Красоте.

1. Аргумент от разности Эросов.

Диотимовский эрос в «Пире» — это вовсе не созерцание Идеи Блага, и даже не созерцание Идеи Прекрасного самого по себе. Платоновское учение об идеях вообще не является предметом диалога «Пир». Но диотимовский эрос — это прежде всего воспроизведение одной души в других душах через посредство любви, идей блага и прекрасного, и это счастье вечного обладания благом этой совокупностью душ [10].

2. Аргумент о разности идей Блага.

Благо в речи Диотимы не является «платоновской идеей». Оно не универсально. Оно индивидуально и не ведет к универсальному в платоновском смысле, т. е. к идеям. Это не «финальная цель любви», и даже не «предельный предмет познания», но вполне себе индивидуальное благо одного человека, которое заключается в обретении личного бессмертия посредством воспроизведения себя через красоту [10].

3. Аргумент о разности подходов к Красоте.

У Диотимы в «Пире» красота не есть цель сама по себе, но лишь средство, на основе которого работает эрос. Возможно, это упрощение, но диотимовский эрос приводит вовсе не к платоновским идеям, но скорее к их противоположности — бессмертию индивидуального. Что ставит под вопрос само ото-

ждествование диотимовского понятия Красоты с идеей Блага из платоновского «Государства» [10].

4. Аргумент от разных учений о бессмертии души.

Начиная разговор о бессмертии души, любой философ обязан сначала решить вопрос о ядре души или ее носителе — или, как его называют в современной философии, вопрос о тождестве личности. Согласно другим диалогам Платона («Федон», «Теэтет», «Алкивиад»), есть некоторое сущностное ядро души, неделимое, которое и будет вечным. Но согласно диотимовской концепции воспроизведения одной души в душах других людей, душа бессмертна не в смысле наличия у нее части, которая не умирает вместе с телом, а совершенно в других смыслах: согласно Диотиме, только та душа бессмертна, которая может породить свое «продолжение в прекрасном» или «бессмертие заключается в жизни души после смерти тела через воспроизведение ее свойств в душах тех, кто ее любил и продолжает любить» [10]. Соответственно, диотимовское учение о бессмертии души не предполагает никакого метафизического носителя — сущностную неделимую и от этого вечную душу. В этом смысле Диотима антисубстанциалистка в отличие от Платона. Другими словами, диотимовская душа воспроизводится в других душах, платоновская душа — метафизически реинкарнируется в других телах. Согласно Диотиме, душа становится бессмертной, воспроизведя свои качества в душе любимых и любящих, но не переселившись в другие тела.

Различия же диотимовского и платоновского учения об эросе можно коротко представить в следующей таблице:

эрос	
У Диотимы	У Платона
<ul style="list-style-type: none"> — Эрос интуитивен и инстинктивен (влечение к воспроизведению и бессмертию); — разум лишь служит целям эроса и любви, лишь помогает влюбленному жить эротической жизнью, а уже эрос ведет к бессмертию; — эрос использует разум, чтобы достичь бессмертия. 	<ul style="list-style-type: none"> — Эрос не ведет нас к благу сам по себе без посредства разума, который должен направлять эрос; — эрос ведет любящего к философской жизни таким образом, что любящему становятся доступными идеи Красоты, Блага, Справедливости; — разум использует эрос, чтобы досчитать мудрости.

Эти два варианта учений об эросе можно кратко противопоставить по следующим трем пунктам: 1) цель эроса как влечения (продолжение рода и бессмертие, согласно речи Диотимы; мудрость и благо, согласно учению Сократа в «Государстве» и других диалогах); 2) роль разума в эротическом влечении (разум лишь служит целям эроса и любви, лишь помогает влюбленному жить эротической жизнью — в речи Диотимы; эрос ведет любящего к философской жизни таким образом, что ему становятся доступны идеи истины, блага, красоты и справедливости — у Платона); 3) взаимоотношения эроса и разума в душе (эрос у Диотимы использует разум, чтобы достичь бессмертия; тогда как у Платона разум использует эрос, чтобы достичь мудрости).

В этом отношении Диотима оказывается даже ближе к мистическому христианству, чем Платон; ее учение больше похоже на религиозную мистику, чем платоновское. Учение, изложенное в речи Диотимы, сильно отличается от идей Платона из других диалогов, что дает основание полагать, что она вполне может быть не фиктивным персонажем, а реальной исторической личностью, принадлежавшей к религиозному культу мистерий. В связи с этим остается непонятным, каким образом для опровержения ее историчности вообще можно выдвигать требование «публичного высказывания», сохранившегося в разных источниках, ведь для жриц Элефсинских мистерий была не свойственна публичность любого рода. При этом те данные об «элефсиниях», которыми располагают исследователи на данный момент и которые можно реконструировать как элефсинское учение о любви и плодородии, вполне коррелируют с диотимовской концепцией Эроса, хотя, конечно же, могли повлиять и на платоновскую философию.

Идеи Диотимы косвенно повлияли на развитие всего платоновского направления в философии вплоть до современности, на историческую эволюцию концепта «платонической любви» или т. н. платоновского эроса, и на весь платонизм в целом, поскольку безусловно оказали существенное влияние на саму платоновскую философию и по сути являются ее ядром и кульминацией, как прекрасно показано у Ирины Протопоповой, современной российской исследовательницы Платона, в ее текстологическом разборе диалога «Пир».

Сейчас, с одной стороны — в условиях плюрализма этик, особенно в период после состоявшейся в XX столетии сексуальной революции, светскому обществу доступно публичное обсуждение вопросов эроса и эротизма, но доступен ли ему язык, на котором можно это обсуждение вести? Интересно понять, способны ли мы сейчас испытывать «платонические чувства» в диотимовском их понимании или хотя бы философски осмысленно говорить об эросе и сфере эротического, выстраивать собственный язык для обсуждения тем интеллектуальной любви или эротической дружбы, отталкиваясь от идей Диотимы или воспроизводя их сегодня. В связи с этим можно отметить, что вполне справедливо т. н. платоновские чувства — если их идею действительно предложила Диотима, — называть скорее «диотимовским эросом» и «диотимовскими чувствами», «диотимовской любовью». Даже если исторически она никогда не существовала и является лишь персонажем Платона, все равно можно выдвинуть аргументы за переименование именно этой платоновской идеи эроса в «диотимовский эрос» (см. аргументацию ниже).

Конечно, Диотима прежде всего известна как героиня одного из диалогов Платона, но до сих пор нет единого научного консенсуса по поводу ее существования в научном сообществе платоноведов. В литературе есть как минимум четыре скептических аргумента против ее историчности (см. таких авторов, как С. Розен, Р. Левинсон, Э. Эрде, Б. Голд, П. Фридлендер, М. М. Бахтин, И. А. Протопопова и др.). Также ряд авторов предлагает довольно интересные аргументы в пользу ее исторического существования, основываясь на отличии ее представлений о бессмертии, о связи эроса и логоса и ее «концепции»

личности от платоновских представлений (М. Э. Уэйт [10], А. Э. Тейлор [9], В. Кранц [4; 5], Д. Нейлз [1; 7], В. Е. Туренко [2]).

Фигура Диотимы является интересным поводом поговорить об истории женщин-философов с точки зрения изучения вопроса о механизмах включения (или исключения) женщин в поле обсуждения общих философских вопросов и идей. Ведь в случае с Диотимой речь может идти о создании одного из ключевых понятий платоновской философии — «платоновской» любви («платоновского» эроса), или — в современной христианизированной рецепции — т. н. платонических чувств. Однако если внимательно посмотреть на разные диалоги Платона, то можно говорить о том, что это понятие является многозначным и в разных диалогах то, что мы привыкли называть «платоновской» любовью, попросту представляет собой множество совершенно разных понятий. В одном диалоге «Пир» можно выделить как минимум шесть разных «платоновских» эросов, вложенных в речь разных ораторов, в связи с чем для избежания двусмысленности представляется разумным вводить и различные именованья — «агафоновский» эрос, «аристофановский» эрос, эрос Эриксимаха, Федра, Павсания, «сократовский» эрос в диалоге «Государство» и «диотимовский» эрос в диалоге «Пир», даже не принимая во внимание историчность или выдуманность излагающих свои концепции персонажей. Стоит отметить также, что не только в «Пире», но и в других платоновских диалогах — «Государстве», «Федре», «Лисиде» — можно выделить и другие типы эроса, которые могли бы также претендовать на название «платоновского» эроса, вложенные в речь разных ораторов, в связи с чем во избежание двусмысленности представляется разумным вводить и различные именованья этих типов любви не по имени платона, но по имени его персонажей, реальных или вымышленных — не столь важно.

Однако в случае с возможной историчностью Диотимы такое именованье представляется более справедливым не только с точки зрения уточнения понятий (например, когда мы хотим для себя лично понять, «сократовская» это любовь или «диотимовская»), но и для осмысления возможных судеб «женского» слова, сохранившегося в веках как их слово или воспроизведенного другими авторами. Образ Диотимы и вопросы обсуждения ее историчности могут стать в некотором смысле метафорой неопределенного статуса женщины-мыслителя в истории философии на разных исторических этапах ее развития в его связи с историей философии мужчин, какой она до сих пор воспринимается в рамках большинства академических курсов философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нейлз Д. Люди Платона. Просопография Платона и других сократиков / пер. с англ. А. В. Белоусова, А. М. Квитки, А. О. Корчагина, Е. А. Завалишиной, А. И. Золотухиной; под общ. ред. А. И. Золотухиной; науч. ред. О. В. Алиева — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2019. — 464 с.

2. Туренко В. Е. Антична філософія любові: монографія. — Київ: Вадекс, 2017. — 288 с.

3. Ficino M. *Oratio Septima II.* — 1485.
4. Kranz W. *Diotima // Die Antike II.* — 1926. — S. 313–327.
5. Kranz W. *Diotima von Mantinea // Hermes.* — 1926. — No. 61. — S. 437–477.
6. Meyer U. I. *Die Welt der Philosophin. Antike und Mittelalter.* — Aachen: Ein-Fach-Verlag, 1995.
7. Nails D. *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics.* — Indianapolis, Cambridge: Hackett Publishing, 2002.
8. Rullmann M. *Philosophinnen. Von der Antike bis zur Aufklärung.* — Zürich; Dortmund, 1993.
9. Taylor A. E. *Socrates.* — Westport: Greenwood Press, 1975.
10. Waithe M. E. *A History of Women Philosophers: Volume I: Ancient Women Philosophers, 600 B.C. — 500 A.D.* — Dordrecht, 1987.
11. Warren K. *An Unconventional History of Western Philosophy: Conversations between Men and Women Philosophers.* — New York, 1947.